

ДИРАС КЕНТАВР

Халудорова А.Э.

Нежные руки, касающиеся моей головы и успокаивающие ее после тяжелого боя, исчезли. Шум, грохот, крики покинули меня. Боль в плече усилилась и исчезла. Исчезло все.

Когда я понял, что больше не нахожусь на поле битвы, то успокоился. Больше нет нужды волноваться за свой отряд. Но, услышав буквально ничего, я подскочил на месте и больно ударился головой. Глаза мои были открыты, но видел я одну лишь тьму. Руками я нащупал гладкие стены, постучав копытом, понял, что стены из камня.

На мои крики пришел свет. Яркий, словно не ото огня, он ослепил мои глаза. Воины, державшие свет, посмеялись надо мной и провели через ворота в камне. Мы оказались в большой комнате, будто шалаше с открытой крышей.

– Какой год? – спросили они у меня. – Имя?

– Третья луна этого года. Меня зовут Дирас, я из Северного ополчения. Скажите, что случилось? Мы проиграли? Меня ранили, я, видимо, потерял сознание...

Но в ответ – лишь удар под ребра и крик. Эти люди в форме белых воинов вели меня по длинному коридору, по стенам которого вились щели, издававшие звуки. Некоторые даже говорили.

– Мы нашли его в сто пятой, – они привели меня к барной стойке, за которой сидела женщина в черной одежде, неудобной на вид. – Родился в первый раз.

– Имя – Дирас Северный, – она взяла в руки тонкий черный ящик, постучала по нему длинными пальцами с краснотой на ногтях. – Книга «Галопирующее разочарование». Написан вьетнамским мужчиной, имеет тираж в сто книг. Кентавр тридцати лет, умер на последних строчках. Главный герой, положительный. Владеет холодным оружием.

– Ну, пошли, друг, – один из военов ухмыльнулся, толкнув меня в круп. – У тебя есть шанс стать популярным. Но особо не надейся, ты в Фэнтэзи.

А после... меня «обследовали», провели какие-то «тесты» и через несколько дней объяснили происходящее. Мне сказали, что я, предводитель отряда северных кентавров, являюсь литературным (что это?) персонажем (что?) своей книги и теперь могу жить, не завися от чьего-либо пера.

Меня поместили в общую камеру, где жили шесть обязательно разных существ. В тесной комнатке проживали фея, маг, оборотень, гоблин и я, занимающий два места. Вообще, кентавры здесь были редкостью, поэтому обращались со мной бережнее, чем с другими.

Полгода я провел в Тюрьме им. Родиона Раскольникова, изучая все премудрости жизни литературных людей. Познавал бытовые предметы вроде вилок, ноутбуков. Начальство тюрьмы было недовольно моим обучением – моя судьба была другой – учиться работе на компьютере мне не было нужно. И они были правы.

Спустя несколько лун меня выпустили из тюрьмы, направив работать на каменоломлю Дубровского. Там условия жизни были не то что хуже, чем в камере, а во много раз хуже. Под палящими лучами солнца, в зной, два года, я работал, ломая камни и переносил их. Мой рост составлял три метра – мужем я считался в своей книге самым крупным, от того меня и выбрали вожаком. Но именно из-за роста мне приходилось хуже остальных – я глубоко нагибался, и в таком положении перетаскивал камень.

Почему, спросите вы, Дубровский (кто это для вас, я не знаю, но для меня – хозяин) не использует машинную технику или не даст рабочим орудия труда вроде тележек? А потому, что машин подобных не существовало, тележками пользовались другие люди, чья ноша была многочисленнее и мельче моей. Да и дешевый труд в виде нас никого не напрягал.

Мы жили в бараках. Люди, работающие здесь, были заключенными, то есть их осудили и теперь они отработывали

свои преступления. Другие существа, вроде меня, были направлены сюда губернатором – так он распределил нас, ведь кроме физической работы ни на что другое мы не годились. Хотя, как потом я узнал, годились.

Два долгих года. Два года я таскал камни, надрываясь и страдая. Спины мои болели, я не мог разогнуться. Колени мои дрожали и ныли, а ребра, и верхние, и нижние, хрустели при малейшем движении. Руки вытянулись и мелкая моторика потерялась. Держать что-то мелкое я более способен не был.

Но однажды я вырвался из этого ада, сбжав через забор. Просто перепрыгнул двухметровый барак и оказался на свободе. Долго радоваться не пришлось – меня поймали через пару дней и определили на новое место работы – в новый цирк Ледовски, в столицу Романа.

Ох, как же мне туго пришлось во время путешествия! Восемь дней, на одной воде, в дневной жаре и ночном холоде, я трясся в торговом поезде, где помимо меня были только мешки с углем и камнем. А те часы, что я провел на улицах города, не передать словами: настолько противоречивы были мои действия и люди вокруг меня, да и чувства тоже.

В самом цирке, этаким раскрашенном здании на каменной основе, меня загнали в клетку, десять на десять метров, назвав то место «дом».

– Умеешь жонглировать? – я отрицательно покачал головой. – А если мечами? – откуда я буду уметь это делать? – Огненными?

Неужели не понятно, что такой искусной работы я делать не умею? С момента своего рождения я только и делал, что учился держать самые обыкновенные вещи и ломать в нужных местах камни.

– Не умею.

– Научим! – молодая девушка в белом костюме, чистая и очень красивая, взмахнула рукой с рупором и крикнула. – Несите плетъ и мечи! – а потом, уже обращаясь ко мне, со сладкой улыбкой сказала. – Для начала научу тебя самому простому, а там как пойдет. Только учти – за каждую ошибку полагается наказание.

Принесли длинную стальную, тонкую и страшную, знакомую всем рабам,

метровую плетъ, взмах которой сулил боль. Сердце на миг остановилось. Что? Я... меня... я не смогу!

Но едва я попытался сказать что-то в ответ, как девушка со всей силы пнула прутья, считавшиеся моими стенами. Лязг металла заставил суетливых циркачей остановиться в страхе.

– Запомни, кентавр Дирас, – она запрокинула голову, чтобы смотреть мне прямо в глаза. – Отныне твоя судьба вот в этих руках, – она продемонстрировала мне свои руки, высоко подняв. – Если ты до сих пор не понял, то поясню – я твоя хозяйка. Мой муж, видный персонаж этого города, купил тебя. И ничего твоего в тебе больше нет. Ни в ком из вас! – крикнула она, повернувшись. – Вы – моя собственность! А сейчас начнем урок, моя милая лошадка.

Честно, никогда в жизни я не держал в руках меча. Холодное оружие моего мира было иным, более массивным или гибким. А тут... лезвием являлась также и рукоять. Я изранил руки в мясо. Следующие недели мои человеческие спину и живот Лис, хозяйка цирка, исполосовала плетью, показывала на мне новые трюки. Чтобы не шокировать людей на выступлении, мое тело покрыли татуировками.

К началу «благотворительных вечеров» я почти освоил искусство жонглирования горящими мечами. Я мог перебрасываться ими с акробатами и канатоходцем, но лучше всего мне удавались приемы, названные «невидимостью». Я делал так, чтобы люди, сидящие на определенных местах, не видели меча, только огонь, и наоборот. В удачные моменты удавалось избавиться и от того, и от другого. Как? Ловкость рук, не более.

А однажды я встретился со своим настоящим хозяином, тем, кто готовился стать мэром Романа, Лемом Ледовски. Вообще, я ожидал увидеть мужчину почтенного возраста, чьи волосы тронула седина, и в чьих глазах плескалась бы мудрость и понимание, а не... это.

Я тренировался после очередного вечера. Хозяйка пригласила хозяина на ночь – я слышал, будто ему скучно вечерами, когда нет жизни, и поэтому мы должны были развлечь его своей обычной жизнью за кулисами.

Я с нетерпением ждал, когда же на балконе появится Лем. Наконец я смогу увидеть того, кто обрек меня на эти муки. На того, кто готовился стать главой моего жанра.

– Кто он? – он кивнул на меня. – Почему не убирает арену? Вроде не новичок. Как же я его не заметил? Пропустил во время броска?

Поднимаю голову, щурюсь. В полутьме разглядываю молодого парня, лет двадцати, от которого даже на расстоянии ста метров веяло силой. Разглядеть я его, правда, смог только на последующих выступлениях.

Бледный, с какими-то непривычными чертами лица, парень наводил страх пронизательным взглядом светло-голубых глаз. Темные волосы вились до небольших ушей, а дальше следовал выбритый затылок, переходящий в чистую, не тронутую шрамами, шею. И почти всегда на Леме красовался деловой костюм с иголки. Бордовый, серый, черный... и всегда – с белой рубашкой. Но больше всего в хозяине цирка меня привлекала улыбка. Безмятежная, совсем детская, полная радости или милого неосознания реальности.

Этот человек не мог быть мэром города – думал я. Но, как оказалось, мог. Более того, за него проголосовало абсолютное большинство жителей!

Этот мир нуждался в переосмыслении своих ценностей. Как... кто мог вообще позволить этому пареньку стать главой огромного города? Кто?! Тираж. Популярность. Деньги.

«Мне кажется, он слишком молод для места главы. Популярный, но глупый. И все равно, что из Детектива. Лем Ледовски – это исключение из всех канонов, ходячая ошибка системы.»

Эти слова! Эти слова были сказаны моими коллегами чертовски правильно. Исключение – вот чем являлся Лем Ледовски. Персонаж, который уже давно должен был стать обычным рядовым.

Год. Год мы готовили восстание. Шептались за сценой, говорили, когда чистили арену, переглядывались на выступлениях в особенно страшные моменты. Думаете, есть в мире что-нибудь страшнее момента, когда голодный бык в ярости несется на тебя, получеловека, у которого вновь сожжены и изранены

руки, и поэтому у тебя нет малейшего шанса на победу? Но я побеждал. Раз за разом. День за днем.

Но однажды это прекратилось. Мы подожгли репетиционные, уничтожили арены под зданием, вызвали обрушение потолков в ходах-выходах. Мы, тридцать волшебных циркачей, голыми руками убили все начальство, оставив лишь сладкую парочку Ледовски.

Лис, девушка с лицом ангела и жестоким характером захлебывалась слезами и вырывалась, пыталась сбежать, но получала лишь порцию слабых ударов своей же плети.

– Ты чувствуешь боль от своей третьей руки?

Когда мы загнали в угол и Лема, он обратился ко мне.

– Успокойтесь! Давайте все уладим спокойно? Что конкретно вам нужно? И для начала, с кем мне вести переговоры? Так, давайте, вот с ним. Как тебя зовут?

Ха, он не знал даже моего имени. Что же, поиграем.

– На мне выжжено мое имя, – сказал я. Акробатки-феечки захихикали

– Это китайский, скорее всего диалект, – он улыбнулся. Вновь. Той самой глупой улыбкой. – Скажи в устной форме, я запомню.

– Дирас! – я гордо выпрямил спину и вскинул подбородок. – Я кентавр Севера!

Неплохо бы вспомнить свой канон. По крайней мере, его часть. Как жаль, что уже многого не помню.

– Это ваш канон? – Лем балансирует на грани. Еще чуть-чуть и я метну в него меч. – Дирас Северный, призываю вас остановиться! Моя жена смертная, она не перенесет такой нагрузки!

Персонажи Фэнтэзи вокруг меня оскалились, подошли ближе. Они боялись неизвестно чего. Может, нападения?

– Почему вы такие... популярные? – мое лицо исказилось мученической гримасой. Я долго над этим думал – пришла пора сказать это. – Чем мы хуже вас? – толпа закивала. Лем озадаченно наклонил голову. – Даже после конца своих книг мы продолжаем быть массовой для вас, популярных, нет, даже популярнейших! Поделись с нами своей жизнью, Лем Ледовски.

– Что вы хотите? – он смотрел прямо мне в глаза своим пронизывающим хо-

лодным взглядом. – Я дам вам, что требуется.

– Всего лишь равноправия, – ребенок в медицинской маске, бессмертный старичок-маг, стоял на канатах, рядом с Лемом, он и говорил. – Но его нет и не было ни в реальности, ни тут. То, чего мы хотим, загадать тебе нельзя.

– Так что? Равноправие? – уточнил Ледовски, все так же улыбаясь.

– Нет, отдай нам право на владение цирком. Мы хотим свободы!

А дальше... разговоры про любовь. Бывший хозяин кичился бессмертием и чуть ли не указывал убитый Лис. Я принимал в том действии большое участие, но описать это... нет никакого желания. Я стыжусь своих действий и слов. Я хотел убить человека. Живого персонажа, который не проснулся бы потом в тюрьме РР.

К сожалению, наш бунт не увенчался успехом. Меня посадили в тюрьму, других убили. Как зачинщика меня стоило изучить, хорошенько потрепать, чтобы в следующей жизни, после мучительной смерти, я проснулся как новенький, как в первый раз. Только вот... канона я не вспомню все так же, да и ничего не вспомню другого.

Последнее, что я помнил, так это боль, которую я испытывал три года в тюрьме РР. В самой страшной и незаконной – тюрьме Фэнтэзи.

Проснулся я в окружении людей в белой форме. Они проверяли мой пульс и дыхание, делали метки. После осмотра себя и помещения, я понял, что нахожусь в камере. Было ощущение, что я спал, и только вот проснулся.

Следующие года я проведу в полном одиночестве, работая на каменоломле и позже в цирке. Не будет сильной боли, только непонятная телу ностальгия. Может в своей книге я тоже таскал камни и фехтовал?

Всю свою короткую жизнь я буду вспоминать свое рождение, или, как сказали те люди, пробуждение. Странно, все знакомые мне люди рождаются, а я... проснулся.

Останется во мне чувство страха, не будет покоя. Я буду бояться каждого громкого звука и бранного слова. Не возникло у меня желания дальше развиваться, что-то делать, кроме бросать огненные мечи. Не будет и разговоров с коллегами, начальством. Только уважение и поклон с моей стороны, и интерес и тревога с другой.

Закончу свою жизнь я на тренировочной арене, под палящим душу взглядом хозяина, не имея никакого понятия ни о себе, ни о жизни.

*Республика Бурятия, пос. Онохой,
МБОУ «Онохойская СОШ № 2», 11 класс*

